

УДК 700.5845

**НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ - АРХЕТИПИЧЕСКОЕ И
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ – В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ
КАЗАХСТАНА**

**HERITAGE OF THE GREAT STEPPE - ARCHETYPICAL AND
EXISTENTIAL - IN CONTEMPORARY ART OF KAZAKHSTAN**

Р. ЕРГАЛИЕВА*

Резюме

В статье автор подчеркивает фундаментальные компоненты процесса последовательности в современном казахском изобразительном искусстве с культурным наследием Большой Степи. Два определяющих фактора были обрисованы в общих чертах. Сначала - преобразование национальных культурных архетипов – заговоры и истории, мифология, фольклор, а также стилистические параметры настройки, традиционные художественные принципы. Второе - экзистенциальный компонент, интерпретация этнокультурных изображений через призму универсальных человеческих вопросов о значении и сущности того, чтобы быть. Эти тенденции идентифицированы как господствующая тенденция современного изобразительного искусства.

Ключевые слова: живопись, архетип, тенденция, изобразительное искусство, архетипические образы.

Summary

The report of Yergaliev R.A. highlights fundamental components of the process of succession in modern Kazakh fine art with cultural heritage of the Great Steppe. Two determining factors have been outlined. First - transformation of the national cultural archetypes – plots and histories, mythology, folklore, as well as stylistic settings, traditional artistic principles. The second - existential component, interpretation of ethno-cultural images through the prism of universal human questions about the meaning and essence of being. These trends are identified as the mainstream of contemporary fine art.

Keywords: painting, archetype, tendency, fine arts, archetypic images.

Архетипические образы Казахстана на современном этапе развития отечественной культуры приобретают сущностное значение. В контексте сохранения, наследования и преемственности культурного

* доктор искусствоведения, профессор, Институт литературы и искусства им. М.О.Ауэзова Алматы/Казахстан

Doctor of Arts, Professor, M.O. Auezov Institute of Literature and Art. Almaty-Kazakhstan.

E-mail: yergaliyeva@rambler.ru

наследия великой казахской степи обратимся к трансформации национальных архетипов – первообразов и первичных изначальных мотивов (К.Юнг), составляющих основу этнокультурного самоопределения в изобразительном искусстве. В тесном близком сопряжении с экзистенциальной компонентой, бытийными вопросами, углубляющимися в ментальные слои понимания кардинального смысла человеческого существования, они представляют тот глубинный фундамент, на котором базируется как прошлое, так и настоящее и даже будущее культуры нашей страны.

Современное искусство Казахстана дает наглядное представление о поисках казахскими художниками новых путей в этом «старом» виде искусства, а также о новом возвращении современной живописи Казахстана к вечному синкретизму древнего искусства наших предков.

Единым и очень активным стал процесс трансформации художественной формы. Средства и способы изображения, обобщения стремительно изменяются в сторону символизации, знаковости, условности и метафоризации, корнящимися в древних и средневековых пластах культурного наследия: сакском «зверином» стиле древнего золота, мемориальной тюркской пластике, народном декоративно-прикладном искусстве.

Создание художниками своих творческих концепций в тесном сплаве с традиционными представлениями казахов, становится одним из отличительных признаков современного искусства этого десятилетия. Знаковой символической, беспредметной живописью, сгущающей в символ все богатства мира, открыл десятилетие 1990-х годов А.Сыдыхан. Удивительные откровения - наполняющие абстрактную живопись метафизической символичностью - сочетания светоносной живописной формы и пульсирующего энергетикой духа создает Е.Тулепбай.

Своеобразие насыщенной цвето - фактурной лепки и цветового богатства находит А. Аканаев. Экспрессивные формулы - предметы, словно с усилием сдерживающие внутреннюю энергию и силу вещей, возникают в холстах К.Дуйсембаева. В аналитической лаконичности ритма и масштабов цветовых пятен и оптически точно выверенных соотношений мир вновь обретает свою гармоничную соразмерность в полотнах К.Ахметжана. Современный казахский аул с подлинной человеческой честностью и высоким живописным качеством оживает в полотнах З.Тусиповой.

Стремление к передаче многообразия мира зашифрованным многообразием знаков и символов приводит к углубленному интересу к структуре мира, к потребности выразить его богатство через аналитическую строгость бесконечно варьируемых форм. В этой тенденции наиболее интересны утяжеленные полностью земного притяжения картины М.Наримбетова, хрупкие, тленные как дыхание полотна С.Атабекова.

Динамичные, броские, раздвигающие пространство холстов, композиции С.Баялиева, вбирающие идею бесконечного движения и возникновения новых форм жизни. В рамках широких формальных обобщений цвета и формы, в предпочтении плоскостных решений и пластичной чистоты письма мастихином Н.Саутбеков претворяет мировоззренческий драматизм номадов, о котором писали и западные, и казахские философы XX-го века (М.Вебер, М.Ауэзов).

Обращение к национальной архаике, вызванное поиском новизны, остроты и масштабности видения дало сильные и выразительные произведения. Парадоксально, но благодаря этому интересу в изобразительном искусстве проявились многогранность и универсальность взгляда на мир, раскрылись многие сущностные экзистенциальные моменты человеческого бытия.

Одной из узнаваемых архетипических установок в современном искусстве стала тенденция к сосредоточению в отдельном изображенном объекте или наборе постоянных объектов. Избираемый объект или сюжет превращается в творчестве художников в своеобразный символ. Миф, посредством которого они стремятся передать всю полноту и вариативность Вселенной: от ее генезиса и величия до существующего в ней порядка, действующих правил, предопределяемых перспектив.

В русле подобного универсального мифотворчества развивалось искусство А.Сыдыхана, взявшего специфическим кодом живописи вариации тамги - родовых символов казахов, сумевшего преобразовать по правилам структурного формообразования всю возможную полноту окружающего мира. Условность, цвет - фактурный изыск подчиняют себе видимый мир и преобразуют его по своим собственным законам. Е.Тулепбай, при всей сложности своих пространственно - цветовых решений, так же приходит к устойчивому знаковому ряду - удлинённому силуэту, напоминающему человеческую фигуру, условность которого очень близка условности вытянутых пропорций сакского вождя - "золотого человека".

Воспоминаниями о мифах и легендах пронизано как пластическое, так и духовное пространство, насыщенное энергией солнца, напоенное запахами степи, в полотнах А.Аканаева.

Сначала кажется, что мастерская А.Аканаева - это не привычное представлению ателье художника с классической палитрой, красками в тюбиках, кистями и мольбертом. Для чего здесь металл, песок, цемент? Что делает художник с автогеном, слесарными инструментами дляковки и резки металла? Зачем ему глина, куски керамики, ажур латуни и бронзы? Почему краски в литровых и даже больших емкостях? Кажется, что здесь строительная, или ремонтная мастерская. Сквозные металлические рельефы вспарывают живописную ткань, вырываются из тела картин, вновь вплетаются в него. Становясь то женским силуэтом, то доспехом шаманки или лучницы, они выбиваются из плоскости и рамок картин А.Аканаева, создают ощущение взрыва привычных форм. Горячему потоку этой живописи, рельефа или скульптуры тесно в пространстве их классического русла, как тесно лаве взбунтовавшегося вулкана в его кратере.

Метаязык живописи А.Аканаева цветом, фактурой, игрой металла обостряет смыслы земли и знаки огня. Здесь рефреном повторяются образы женщины, создавая своего рода культ этих взаимосвязанных начал. Им вторит, приоткрывая завесу над художественными кодами автора, вереница павлинов - фениксов восточного мира, заново рождающихся в этом обновляющем огне.

Архетипы, используемые А.Аканаевым древни как сама жизнь на этой степной земле. Заключение в каждом из них символика рождения, сгущаемая их соединением, тайна извечного возрождения человека и природы - одно из его главных чувственно - ментальных посланий. Земля, огонь, женщина и павлин - символы любви в его живописи, причем не просто любви, а любви как акта, порождающего жизнь. Возможно поэтому, так обостренно воспринимаются художником именно образы праматерей казахского этноса.

Многие художники разрабатывают и в результате создают собственные живописные мифы, схожие с анималистическим тотемизмом древних. Такие как А. Иса - на образе тигра, как символа вселенного абсолюта, А.Есдаулетов - носороги и быки которого воссоздают густую атмосферу первозданного мира, мифологического времени, А.Ахат, в чьих живописных преданиях - сгустках ушедшего в прошлое древнего Турана, запечатлены мечты и ностальгия о прошлом, фетишизирует линейную идею петроглифов А.Бектасов.

Реалистическая линия отображения мотивов традиционного казахского быта, народных игр и обычаев продолжена А.Накисбековым. Продолжает развивать экзистенциальные идеи и формальную утонченность Б.Бапишев. В русле живописного конструктивизма работает Г.Маданов. Исторические реконструкции событий национальной истории воссоздают Е.Айтуаров, К.Ажибеков, А.Жакыпбеков, Д.Касымов, З.Медетбеков, Б.Тургынбай. Лирические образы казахского кочевья воссозданы М.Каспаком, О.Жубаниязовым, К.Какенулы.

Традиции декоративной условности, идущие от трансформации приемов казахского декоративно - прикладного искусства и уроков западно - европейского постимпрессионизма наиболее любопытно преломляются в творчестве М.Касымбекова и Т.Муката. Новую волну с несколько иной, авангардно трактованной этнографической нотой развивают С.Смагулов, А.Смагулова. Продолжают вольную, непосредственную живописную игру с этнокультурной символикой - интерпретацию свободных полетов воображения А.Тазиев, С.Сулейменова, А.Менлибаева, З.Султангазина, М.Бекеев, К.Ибрагимов.

Возвращение к началам, потребность взглянуть в корни и истоки визуализируется в стройных рядах многочисленных исторических персонажей, конников, битв. Или в потоке абстрактных форм, где проглядываются архетипы и принципы обобщения петроглифов, средневековой тюркской скульптуры. Обостряется, выходит на уровень тематических приоритетов историческая линия. Так главная идея творчества художника К.Ажибекулы – история Казахстана. Героям славной, полной подвигов и борьбы, достижений и величия истории нашего народа посвящено большинство знаковых полотен живописца. Второе, вероятно, не мене значимое направление в его искусстве, это этнография - произведения на тему казахского быта, традиций, обычаев.

Оба этих пласта творчества соприкасаются по всем своим параметрам с вопросами обозначения вечных ценностей культурного наследия великой степи. Обозначают в искусстве живописца и в сознании зрителя зримое воплощение нетленных сокровищ национального духа и истории казахов.

История казахского народа для казахских художников сейчас не просто тема, это скорее материк традиционной культуры, сокровенный

источник, из которого каждый мастер черпает идеи и образы, созвучные его представлениям о жизни, его творческим принципам.

Глубокая заинтересованность исторической темой подчас перерастает в самобытный творческий эксперимент, становясь основой для создания собственного художественного языка и стиля. Интерес к истории родного народа, к его традициям, обычаям, представленный в изобразительном искусстве на сегодняшний день может быть назван самым активным катализатором творческих идей.

Историческая тема представлена масштабно и что достаточно необычно в абсолютно разных видах искусства творчестве С.Смагулова. Ему удается плодотворно работать и в живописи, и в скульптуре, монументально - декоративном искусстве и в графике. Подход к исторической тематике в творчестве С.Смагулова отмечен разносторонностью и своеобразием выбора героев. Внимательно глядя на его масштабные, посвященные прекрасным страницам истории казахского народа и его героям произведения «Саки» (2003), «Султан Бейбарс» (2011), «Жалантос батыр» (2013), «Агыбай батыр» (2013), «Коркут» (2013), видишь, как образно претворяется в них проникновенно - эмоциональная авторская интонация.

Первое качество, способствующее этому впечатлению - способность художника к передаче динамики действия. В его работах, даже в композиционно спокойных, лишенных внешней линейной или ритмической экспрессии, всегда ощутим внутренний порыв, скрытый потенциал динамики, полета, что адекватно внутренней ментальной трансформации архетипических качеств характера казаха - кочевника, всегда готового к перемене места, уверенного в лихом ходе своего скакуна.

Глубиной духовных и художественных поисков, сопрягающихся с научными изысканиями в области истории казахского прикладного искусства, в частности средневекового и древнего оружия кочевников отличается творчество К.Ахметжана. Ему принадлежат картины на темы казахского эпического фольклора, жизни семьи, степные пейзажи. Излюбленными задачами в его работах становятся вариации на мотивы, извечно присущие жизни человека и природы.

Эта тематика, казалось бы, традиционная для казахской живописи получает в его творчестве не только особую интерпретацию, но и обретает свой, продуманный и разработанный, подкрепленный мировоззренческой, философской основой формальный строй. Темы

единства движения и покоя, мгновенного и непреходящего, изменчивости и неизменности этого мира развиваются в его искусстве.

Одним из создателей некоей эпопеи, своеобразной степной саги стал художник К.Аскарков. Главная тема и любимые мотивы полотен К.Аскаркова - Казахстан, его история и земля, народ и традиции. О направленности его творчества сами за себя говорят названия работ - «Кокпар», «Звуки кобыза», «Импровизация», «Наследие», «Степная мадонна», «Бесик», «Священный казан», «Той».

Восходящие к системе идей казахского орнамента и постмодернистским открытиям в области афро - азиатского искусства, работы К.Аскаркова отличаются узнаваемым своеобразием авторской интерпретации. Парадоксально сочетаются в них лаконизм обобщения формы с идеей многоплановой трактовки мира, бытописательской традицией. В условном образе - знаке К.Аскарков умудряется проговаривать максимум имеющейся в его сознании информации о сюжете, отчетливо уравнивая при этом все возможные сферы бытия.

Пластически выразительно выглядят шифры - образы К.Аскаркова со своей молчаливой, почти ребусной загадочностью. Их экспрессия подчеркнута внутренняя, исходящая из глубин смысловой квинтэссенции. Ощутимое пристрастие к степной колористической традиции с преобладанием теплых тонов - разнообразие охристых оттенков, насыщенных красных тонов в обрамлении разнообразных нюансов коричневых красок, узнаваемость знаковых абрисов традиционной культуры казахов - юрты, кобыза, шанырака, классических четырех видов скота, канонических зооморфных и космогонических орнаментов при всех аналогиях с новациями западного искусства XX века дает итоговую картину проявления национального художественного мировидения в живописи.

Масштабно, на уровне родового универсума казахской культуры трактуется К.Аскарковым тема любви и счастья. Она настойчиво обыгрывается им в особом экзистенциальном аспекте – на уровне идеи продолжения человеческого рода, преемственности поколений.

Извечный союз двоих в его понимании абсолютно традиционен и необходим мирозданию, так как сущностно чреват появлением третьего. Человеческая пара - мужчина и женщина в его полотнах всегда находятся в идеальной гармонии с природным миром, представленным разного рода обрамлениями из пар домашних животных.

Это метафорический, знаковый, но все же идиллический мир, где главенствуют идеи гармонии мира, цельности души, порядка и иерархии нравственных ценностей. Представление о домашнем очаге также трактуется художником с точки зрения единства поколений, где в каждом персонаже и действии закодировано пожелание благоденствия, плодородия и излюбленной художником плодovitости рода.

Снова и снова мы видим воссоздание архетипических мотивов и образов в искусстве Казахстана. Но зададимся вопросом, где же мы находим экзистенциальную составляющую? Безусловно, в самом ментально и мировоззренчески главном слое - в интерпретации мотива и образа, в его понимании, трактовке. Тяга к пониманию и подаче используемых в изобразительном искусстве Казахстана архетипических сюжетов, мотивов и образов в разрезе экзистенциальной сущностной составляющей явлена практически у всех художников.

Память национальной истории, цепь славных побед и событий, легенды о величии героев и воспоминания о мирной жизни поколений предков на просторах казахской степи неодолимо манят художников, словно заключая в себе разгадку чего - то сугубо личного, сокровенного. Воспринимаемое почти сакральным причащение этнической, национальной культурной памяти выводит нашу культуру к новому витку самопознания, к философскому, интеллектуальному, осознанному пониманию своей самости, своего духовного вклада в сокровищницу общечеловеческой культуры.

Художникам Казахстана принадлежит особая роль в этом сложном духовном поиске. Ведь для того, чтобы передать в живописи свое видение уникальной казахской культуры они обращаются не только к внешней событийной канве традиционной жизни, но открывают в ней глубинные особенности неповторимого степного миропонимания. Они опираются на стилистику народного орнамента, синтез изобразительности и декоративности, присущие древнему и средневековому искусству Казахстана.

В художественных средствах выражения - композиции, цвете, фактуре - они ищут адекватности смысловым приоритетам традиционной жизни казахов. В итоге они создают новый изобразительный язык казахского искусства XXI века, дополняющий друг друга в разных индивидуальных вариациях. Казалось бы, XX век произвел тотальную художественную интерпретацию всех возможных

стилистик, принципов и способов артистического обобщения. Но так сложилось исторически, что именно сейчас казахские художники выносят на широкую мировую арену искусства свою национальную художественную версию или свою живописную картину мира.

В качестве выводов можно сказать, что важнейшими для настоящего периода путями художественного осмысления культурного наследия стали два кардинальных мейнстрима. Первый - путь национальной культурной самоидентификации, необходимость выразить свой взгляд на общие мировоззренческие вопросы, лежащий через трансформацию архетипических мотивов и образов.

Здесь определяющими для изобразительного искусства стали архетипические идеи и принципы национальной культурной памяти, трансформации древнего и средневекового пластического наследия. Второе направление, сугубо внутреннее ментальное и художественное, заключенное в интерпретационном уровне, ведет от конкретной социальной проблематики к универсальной онтологической, тесно соприкасаясь, вырастая из первого - это потребность вернуться к экзистенциальным проблемы человеческого бытия.

Обращение к истории родного народа, его обычаям, жизненному укладу, став одной из самых характерных особенностей современной живописи Казахстана, позволяет назвать новый этап, в который вступило наше искусство с эпохи 1990-х возвращением к себе.

Из обрывков собственной генетической памяти, из воспоминаний о детстве или рассказов родителей, из книг по истории родного края и народа, черпая вдохновение, художники создают единую картину степной жизни, переполненную вековой чередой завоеваний и мирных дел, верований и ритуалов, достижений материальной и духовной культуры казахов. Таким образом, изобразительное искусство Казахстана посредством визуально воссозданных этнокультурных архетипов, увиденных сквозь экзистенциальную духовную призму, входит своим уникальным культурным наследием в общемировое культурное пространство.